Как они и договаривались, директор Дамблдор получил сову за ужином в тот четверг и уехал, сославшись на срочные дела Министерства. Он также позаботился о том, чтобы Квиррелл был в пределах слышимости, когда говорил профессору МакГонагалл, что его не будет по крайней мере до следующего дня.

В тот вечер Ирука постарался затянуть урок запечатывания, удерживая Квиррелла в классе как можно дольше в надежде, что нетерпение заставит его попытаться найти Камень, как только он скроется из виду. Наконец, когда до комендантского часа оставалось полчаса, он распустил класс. С.Е.Н. сидели в первом ряду, поэтому Ирука видел, как во время их разговора Гарри сморщился, схватился за лоб и издал легкое шипение боли.

"Ты хорошо себя чувствуешь, Гарри?" спросил Невилл своего друга.

"Да, только сильно болит голова; такое ощущение, что кто-то воткнул мне в лоб раскаленный нож".

"Возможно, это просто стресс из-за экзаменов", - посоветовала Гермиона, - "тебе нужно немного отдохнуть".

"Это не может быть только из-за экзаменов", - несколько раздраженно ответил Гарри, - "У меня они болят весь год, и всегда в одном и том же месте".

Ирука заметил, что гриффиндорец потирает точное место своего шрама.

Его шрам...

Ледяная рука схватила сердце Ируки, когда он вспомнил другую проклятую метку, оставленную человеком, до ужаса похожим на ту, которой был отмечен Гарри, как эта метка причиняла боль тем, кто был ею поражен, в ответ на действия ее создателя, и как этот создатель использовал ее как способ неоднократно обманывать смерть. Эликсир жизни был нужен не Квиринусу Квирреллу, или, по крайней мере, не ему одному.

Это был Волдеморт.

Он тут же подошел к троим и наклонился. "Мне нужно, чтобы вы трое немедленно позвали профессора МакГонагалл. Скажите ей, что мне нужно подкрепление в запретном коридоре, что вор делает свой ход сегодня ночью и что он чрезвычайно опасен. Быстрее!" Его голос был достаточно тихим, чтобы остальные ученики его не услышали, но в нем было столько срочности, сколько Ирука мог передать на такой громкости.

Трое на мгновение потрясенно посмотрели на него, затем кивнули с выражением решимости на лицах, поспешно хватая свои вещи, пока Ирука выходил из класса.

Как только он оказался вне поля зрения других, Ирука помчался обратно в свою каюту. Смертельно больной человек, отчаянно пытающийся избежать смерти, - это одно, но если целью было вернуть жизнь террористу, настолько страшному, что люди все еще отказывались произносить его имя спустя десятилетие после его очевидной смерти, наблюдать и ждать было не лучшей идеей. Единственным выходом было остановить Квиррелла до того, как он достигнет своей цели, несмотря ни на что. Добравшись до своих комнат, чуунин одним движением стряхнул с себя учебную мантию и сразу же начал надевать снаряжение шиноби; он никак не мог противостоять преступнику ранга S с несколькими кунаями, которые у него были при себе. К счастью, он все проверил и разложил перед ужином, но все равно ругал себя за то, что не надел его весь вечер. В то время он отдавал предпочтение скрытности, не желая вызывать подозрения Квиррелла тем, что под его преподавательской мантией видны большие выпуклости.

Через несколько минут Ирука вышел, полностью экипированный и готовый к бою, и направился на третий этаж. Открыв дверь с помощью отпирающего заклинания, он услышал три грохочущих рыка и увидел Пушистика, который трижды смотрел на него. Неподалеку стояла арфа; вероятно, она была зачарована, чтобы играть сама по себе, но если это и было так, то чары явно ослабли. Отбросив достоинство и призвав на помощь ту часть себя, что вышла на сцену после нескольких чашек саке, Лиф-нин начал петь колыбельную, которую так давно часто использовала его мать, чтобы убаюкать его сон. В то время как его коллеги-учителя не очень-то жаловали его выступления в караоке, Пушистик был не столь придирчив к музыке. Через несколько минут пения Ирука слушал трехчастную дисгармонию собачьего храпа. К сожалению, одна огромная лапа лежала прямо напротив люка, и ему едва удалось не разбудить раздражительного цербера, пока он осторожно отводил эту лапу в сторону.

Бесшумно посветив люмосом в отверстие, Ирука не смог разглядеть дно, но до него было не меньше тридцати-сорока метров. Ирука не хотел рисковать, поэтому, осторожно маневрируя, он забрался на потолок, а затем на стену шахты, которая, к счастью, была достаточно широкой, чтобы стоять прямо, пока он спускался. Когда он оказался достаточно далеко, чтобы Пушистик не смог его достать, он наконец расслабился и перестал петь. Спустившись достаточно низко, чтобы быть уверенным в своем приземлении, Ирука отлепился от стены.

Вместо твердого каменного пола, на который Ирука ожидал приземлиться, он оказался в мягкой массе извивающихся лиан, которые тут же начали обвиваться вокруг различных частей его тела. Его первая реакция - просто вырваться - была неэффективной, так как усики вокруг него затянулись. Прорубание кунаем также не принесло никакого прогресса, так как лианы становились все агрессивнее и многочисленнее. Обеспокоенный, он бросил кунаи и сумел свести руки вместе достаточно долго, чтобы сформировать несколько быстрых ручных печатей. Из его губ вырвалась тонкая струя жидкого огня, и куда бы она ни попала, лианы быстро отступили, вскоре оставив Ируку свободным и стоящим посреди большого участка голого пола. Схватив и снова убрав в ножны свой кунай, он направился к проходу, который был единственным выходом из комнаты.

Слыша за спиной только звуки капающей воды и сползающих лиан, Ирука бесшумно спустился по пологому склону вниз, используя лишь слабое освещение, чтобы не привлекать внимания ни Квиррелла, ни других стражников. Вскоре стали слышны новые звуки, а впереди забрезжил

свет; он услышал звяканье и шуршание, доносившиеся со стороны места назначения. Когда он шагнул в освещенную комнату, то увидел их источник: над головой пролетала огромная стая сверкающих, блестящих, разноцветных птиц. Нет, не птиц, понял он, присмотревшись внимательнее, - ключей! Очевидным объяснением было то, что один из этих крылатых ключей нужен, чтобы добраться до Камня, но какой именно?

Осмотр двери и замка подтвердил, что, во-первых, дверь действительно заперта; во-вторых, отпирающие чары на нее не действуют; в-третьих, подходящий ключ, скорее всего, большой и серебряный. К сожалению, попытка выбрать правильный ключ из тысяч возможных кандидатов, когда все они быстро перемещаются и находятся на значительном расстоянии, была практически невозможной. К счастью, веники в одном из углов комнаты позволяли присмотреться (не говоря уже о том, что это был четкий способ достать ключ). Выбирая метлу, Ирука сделал себе пометку, что нужно попрекнуть того, кто придумал это препятствие, за то, что он предоставил метлы и значительно облегчил работу потенциальному вору, хотя он также поблагодарил их за то, что они облегчили и его работу.

Потребовалось несколько минут полета вокруг стаи ключевых птиц, чтобы обнаружить вероятного кандидата: Одно из крыльев птицы было повреждено, многие синие перья погнуты, но это, похоже, не мешало ей летать. Последовала воздушная погоня, в которой ключ бежал быстрее и проворнее, чем золотой снитч в школьных матчах по квиддичу. Тренировки шиноби Ируки давали ему достаточное понимание ситуации, чтобы не потерять ключ из виду, а рефлексы и ловкость могли посрамить профессионального Искателя, но он провел в воздухе всего около сотни часов, и недостаток опыта полетов явно работал против него. Наконец, после нескольких минут преследования, он достал горсть сюрикенов. Направив ключ к краю роя, чтобы убрать с дороги своих собратьев, Ирука послал стальные звезды, кружащиеся в воздухе. Ключ попытался увернуться, но один из снарядов попал в уже поврежденное крыло и отправил эрзац-птицу по жалкой спирали на пол.

Быстро приземлившись, Ирука взял ключ в руку, несмотря на его слабые попытки, и направился к двери. Следующая комната была сначала темной, но когда он вошел внутрь и факелы на стенах ожили, он не смог удержаться от стона, произнеся единственное слово, которое пришло ему на ум при виде открывшегося перед ним зрелища.

"Мендокусей..."

Всю ширину комнаты перед ним заполняла гигантская шахматная доска, все каменные фигуры которой были высотой более двух метров. Безликие белые шахматные фигуры стояли перед ним на дальнем краю, за ними виднелась еще одна дверь, в то время как он стоял прямо за рядами черных. "Дай угадаю, - вздохнул он, - мне придется играть до конца?" Несколько соседних фигур отрывисто кивнули. "Держу пари, что мне тоже придется стоять в роли одной из черных фигур". Снова кивки. "А если я попытаюсь пройти без игры?" При этом каждая из белых фигур приняла готовую стойку и достала оружие, явно смертельно острое. Учитывая скорость и плавность их движений, он не мог быть уверен в своей способности проскользнуть мимо них невредимым. Даже если ему это удастся, не было никакой гарантии, что они не последуют за ним вглубь, а он не хотел иметь дело с шестнадцатью опасными нападающими одновременно и с последующими препятствиями, не говоря уже о смертоносном противнике, поджидающем где-то впереди. "Хорошо, я встану как король". При этих словах черный король отошел от доски и встал у стены.

Хотя он, конечно, не был Нара, Ирука вряд ли был идиотом. Тем не менее, игра шла тяжело, и нетерпеливый чуунин ворвался в дальнюю дверь, и его и без того мрачное настроение ухудшилось от знакомой вони. На земле без сознания лежал тролль, еще больший, чем тот, что был на Хэллоуин. По крайней мере, это препятствие не замедлило бы его продвижение.

За следующей дверью оказалась небольшая комната, в которой не было ничего более угрожающего, чем маленький столик с выстроенными на нем бутылками и рулоном бумаги рядом с бутылками. Как только Ирука шагнул в комнату, стена фиолетового пламени вспыхнула, перекрыв дверной проем позади него, а черное пламя заблокировало дверь напротив. Быстрое гендзюцу подтвердило, что эти странного цвета языки пламени, скорее всего, настоящие, отчего чуунину стало немного не по себе: он вспомнил единственное черное пламя, о котором когда-либо слышал; он мог только надеяться, что каким бы ни было это пламя, оно не будет таким же неудержимым или всепоглощающим. Если бы было достаточно воды, он бы попробовал подавить пламя с помощью суйона, но, если бы он колдовал и манипулировал таким количеством воды, он бы выдохся - не самое лучшее состояние, когда ожидаешь боя.

На бумажке была написана простая логическая загадка в виде короткого стихотворения; сравнив ее с бутылками (которые, как ни странно, были полностью полны), Ирука без труда разобрался, что в какой бутылке должно находиться. Его беспокоила только возможность того, что Квиррелл мог поменять бутылки местами или смешать их содержимое. Он открутил пробки на каждой бутылке и понюхал их содержимое. Похоже, они соответствовали его ожиданиям, но был только один способ узнать наверняка.

С тех пор как Ирука прочитал об их лечебных свойствах, он постоянно держал при себе по крайней мере одного безоара, а несколько хранил в одном из подсумков на жилете. Сейчас он достал их, положил на стол на случай, если он сам или его подмога (которая, как он надеялся, уже подоспела) ошибется, и сделал глоток зелья, стоявшего справа. Его охватило ледяное чувство, а быстрая проверка подтвердила, что фиолетовое пламя было не горячее, чем у флуо. Он схватил бумагу и достал карандаш из своего набора, чтобы записать решение загадки рядом со стихотворением, надеясь сэкономить время и проблемы своего помощника, а затем выпил содержимое самой маленькой бутылочки; снова возникло ощущение, что его окунули в ледяную воду.

Заменив бутылку (и увидев, что она уже начала как-то наполняться), он собрался с силами и шагнул сквозь черное пламя.

http://tl.rulate.ru/book/73572/2105961